Ряд докладов на коллоквиуме был посвящен агиографической литературе как источнику для изучения социальных конфликтов. Ю. Думмер (Берлин) в докладе «Социальные трения и конфликты в свете агиографической литературы» остановился на своеобразии этого вида памятников и манере обработки содержащихся в них данных.

Г. Диттен в докладе «Социальные конфликты в окруженной славянским населением Фессалонике в конце VI—VII вв.» проанализировал две версии «Чудес св. Димитрия» (одну, составленную архиепископом Фессалоники Иоанном I, другую — анонимным автором). В результате докладчик пришел к выводу, что в первой из них (1.3. § 128—129) содержится косвенная критика в адрес представителей господствующего класса, в то время как во второй (в связи с рассказом о нападении славян на Фессалонику в 615 и 676—678 гг.) они подвергаются откровенному порицанию. Г. Диттен обратил также внимание на то, что «Чудеса», составленные анонимным автором, содержат больше конкретных деталей о славянах и их отношениях с различными слоями населения Фессалоники, нежели версия, автором которой является архиепископ.

В. Вавржинек (Прага), выступивший с докладом «Роль народных масс в славянской агиографии», показал важное значение славянской житийной литературы для изучения социальных конфликтов X в.

Большой интерес у участников коллоквиума вызвал доклад В. Брандеса «Отражение социальных воззрений в эсхатологической литературе V—IX вв.» Докладчик показал, что этот весьма своеобразный и пока еще крайне редко используемый специалистами вид источников приоткрывает редкую возможность вообразить себе воззрения широких народных масс, их представления об истории и обществе, их чаяния о добре, порядке, справедливости.

Два доклада на коллоквиуме были посвящены папирусам. Г. Петке (Берлин) в докладе «Греческие папирусы византийского времени как источники по социальной истории» дал характеристику различных видов папирусов (текстов, архивов, прошений чиновникам, брачных договоров, завещаний, договоров о разно-

рода сделок, в том числе об аренде-квартирной плате, купле-продаже, займе, найме рабочей силы) и остановился на тех проблемах, которые они позволяют осветить: социально-экономическом положении Востока, крупном землевладении, денежной системе, численности рабов, положении господствующего класса (в частности, социальном статусе носителей знатных имен Аврелий и Флавий), положении женщины и т. д.

К. Трой в докладе «Социальные конфликты в Византии в свете папирусов византийского времени» показал, что папирусы, как никакие другие виды источников, освещают весьма полно и всесторонне различные стороны жизни византийского Египта, давая, в частности, весьма живое и конкретное представление о *homo Byzantinus*. По мнению докладчика, основу конфликтов здесь составляла борьба, с одной стороны, за сохранение наследия античности, с другой стороны — за утверждение нового христианского учения. Сопоставив данные папирусов с нарративными источниками, К. Трой пришел к выводу о том, что переход от классической к христианской культуре происходил в этом регионе постепенно и в основном довольно мирно.

Тонким источниковедческим анализом отличался доклад Р. Досталовой «Социальные конфликты в Византии в свете анонимного диалога *Περὶ πολιτικῆς ἐπιστήμης*». Исследовательница дала пространную характеристику анонимному политическому трактату VI в. (приписываемому без достаточных, по мнению Р. Досталовой, оснований то Петру Патракию, то префекту претория Востока 528—529 гг. Мине) и попыталась выявить, какие сведения о социальной структуре и социальных конфликтах в Византии V—VI вв. он дает. Докладчица подчеркнула, что сведения трактата во многом перекликаются с «Тайной историей» Прокопия Кесарийского и другими источниками того времени. Исследовательница считает, что автор трактата выражал интересы консервативной части сенаторской аристократии.

По всем докладам на коллоквиуме развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой открывались новые аспекты изучения этой важной и актуальной проблематики.

А. Чекалова.

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ВИЗАНТИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ.
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО»,
ПОСВЯЩЕННАЯ А. В. БАНК
(Ленинград, 25—26 ноября 1987 г.)**

Ставшая традиционной конференция по культуре и искусству Византии, проводимая в Государственном Эрмитаже, на этот раз была посвящена проблеме «Византия и сопредельные страны» (в 1986 г. темой конференции, посвященной А. В. Банк, было «Новое в исследовании византийского искусства и культуры»).

Общеизвестна широта научных взглядов А. В. Банк, многие работы которой были посвящены выявлению связей Византии как с ближайшими соседями, так и с более отдаленными регионами. В своих трудах она обращалась к широкому кругу памятников живописи, скульптуры, прикладного искусства; неизменно ста-

ралась привлекать новые находки, внимательно следила за археологическими работами. Особенно пристально изучались ею вопросы взаимосвязи и взаимовлияния культуры и искусства Византии и сопредельных стран. Именно поэтому эти вопросы и были выбраны в качестве основной темы данной конференции.

В работе приняли участие ученые из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Еревана, Севастополя, Сухуми, Симферополя и Свердловска. Конференция открылась вступительным словом заведующей сектором Византии и Ближнего Востока Эрмитажа В. С. Шандоровской и выступлением директора Эрмитажа академика Б. Б. Пиотровского о работе А. В. Банк в стенах Эрмитажа.

В сообщении Г. И. Вздорнова «Русские художники-копиисты в Софии Константинопольской и в Кахрии-Джами» была дана информация о русских художниках, оказавшихся в 1920-х годах в Стамбуле и копировавших произведения византийской живописи: А. В. Грищенко, Н. К. Клуге, В. Зандере, Дм. Измайловиче. Наибольшее внимание было уделено работам последнего в Кахрии-Джами в 1920—1927 гг., результаты которых экспонировались в Лондоне в 1928 г., но остались малоизвестны советским ученым. Слушатели были ознакомлены с главой доклада Дм. Измайловича 1927 г. об охране византийских древностей в Стамбуле. Деятельность русских художников-копиистов в Турции, освещенная в докладе Г. И. Вздорнова, свидетельствует о сохранении в кругах русской научной и художественной общности традиционной заинтересованности в изучении памятников православного искусства на почве Стамбула.

Наблюдения, сделанные во время реставрации четырех портативных мозаик («Четыре святителя», «Феодор Стратилат», «Пророк Самуил»—ГЭ, «Св. Георгий» — из Грузии), легли в основу сообщения Е. Г. Шейниной. В ходе работы в Лаборатории реставрации монументальной живописи Гос. Эрмитажа было проведено исследование материала этих икон, причем особенно полному исследованию подверглась икона из Грузии. Оказалось, что все мозаичные кубики выполнены из естественных минералов: мраморов разных оттенков, лазурита, яшмы и др. Воск под кубиками тонирован под цвет минерала; кое-где сделаны дополнения восковыми красками; для фона использованы позолоченные пластинки серебра и меди. Все четыре памятника образуют единую группу, имеют столичное происхождение и относятся к концу XIII—началу XIV в.

Фрагменту монументальной мозаики XII в. был посвящен доклад О. Е. Этингоф «Мозаика „Голова Богоматери“ из собрания П. И. Севастьянова». Памятник считался итальянским произведением XIII в., но благодаря реставрации Т. А. Кох в 1984—1985 гг. и исследованию Ю. Л. Щаповой установлено, что лик и шея Богоматери относятся к непотревоженной первоначальной кладке, соответствующей традиционным византийским

рецептам, применяемым до начала XIII в. О. Е. Этингоф определила, что приемы набора мозаики и художественного языка характерны для византийского искусства около 1200 г., а аналогии находятся среди сицилийских памятников этого времени. Фрагмент, вероятно, происходит из базилики св. Петра в Риме, где при папе Иннокентии III (1198—1216) работали сицилийские мастера. Косвенно это подтверждается и архивными сведениями о приобретении памятника.

Два сообщения были посвящены памятникам станковой живописи. С. Г. Савина («Икона „Преображение“ из собрания Эрмитажа») дала анализ особенностей художественного строя византийской иконы XII в. Памятник неоднократно публиковался в работах крупнейших советских и зарубежных исследователей. Но монографически полный анализ образного строя иконы сделан впервые. Автором предложена трактовка живописно-иконографических особенностей данного памятника. Это позволяет рассматривать его в сложном контексте богословско-художественной картины византийского искусства второй половины — конца XII в.

Выступление Ю. А. Пятницкого касалось неопубликованной иконы из фондов Эрмитажа. На основе анализа иконографии и остатков надписей было установлено, что на иконе изображен св. Мамант, а в основу живописного изображения положена местная кипрская легенда. Положение о создании памятника на Кипре было подтверждено разбором характера доски, оформления надписей и фона, стилистическими аналогиями. Докладчик отнес икону к провинциальным произведениям Кипра конца XV—XVI в. и на основе архивных документов проследил ее судьбу с начала XIX в., когда она была обнаружена близ Александрии.

В докладе А. М. Лидова «О новом иконографическом типе Христа-архиерея» рассматривалось необычное изображение Христа Эммануила в длинном одеянии, опоясанном лентой, один из первых примеров которого дает композиция в конхе св. Софии Охридской. Найденный византийский текст позволял автору объяснить странное одеяние Христа: он представлен в образе архиерея, освящающего храм. Содержание образа в конхе дает ключ к пониманию всей иконографической программы, в которой первостепенное значение имеет тема освящения храма. Видимо, существовал особый иконографический тип «Христа-архиерея, освящающего храм», возникший в искусстве Константинополя, вероятнее всего, в XI в., когда складывается средневизантийская система храмовой декорации.

Ряд докладов касался произведений прикладного искусства как Византии, так и Древней Руси. Так, И. А. Стерлигова впервые ввела в научный оборот воздвизальный крест, происходящий из Вознесенского монастыря Московского Кремля. Подробно была исследована древнейшая его часть: золотой оклад с перегородчатыми эмальями. Отметив необычность эмалевого орнамента, И. А.

Стерлигова рассмотрела форму и тип креста в ряду византийских, древнерусских и западноевропейских памятников XII—XIII вв.; выдвинула предположительную датировку — вторая половина XII—начало XIII в. — и связала крест с Новгородом, эмали которого наиболее близки к эмалям рассматриваемого памятника.

М. Я. Крыжановская посвятила свое выступление «Неопубликованный сосуд из Эрмитажа» атрибуции бронзового кадила с евангельскими сценами, обнаруженного ею в фондах Отдела западноевропейского искусства ГЭ. Использует аргументацию В. Эльберна (Университет Западного Берлина), опубликовавшего ряд аналогичных произведений, М. Я. Крыжановская посчитала возможным отнести исследуемый памятник к сиропалестинскому кругу и датировать его VI—VII вв.

На основе новых археологических данных был построен доклад С. Г. Рыжова «Керамика XII—XIII вв. из раскопок VIII квартала Херсонеса», в котором была предпринята систематизация керамики типа граффито. Следует отметить, что автор опирался на результаты собственных многолетних раскопок в центральной и восточной частях Херсонесского городища.

Интересную группу составили сообщения по материалам письменных источников, сделанные ленинградскими учеными. Результаты наблюдений над тремя рукописями греческих четвероевангелий XI—XIV вв. из монастыря св. Екатерины на Синае и отрывками из сочинения Козьмы Индикоплова, а также ссылками на его толкования евангельских текстов поделилась Е. К. Пиотровская в докладе «К изучению иконографической традиции Козьмы Индикоплова в древнерусской письменности и культуре». Удалось проследить связь изображения Козьмы Индикоплова в древнерусской рукописной традиции перед началом текста его сочинения с иконографической традицией изображения евангелистов, а также высказать предположение о месте возможного перевода древнерусской версии.

И. П. Медведев затронул вопрос о происхождении трех ленинградских рукописей греческих грамматик. Оказалось, что две рукописи («Схедография» Мануила Мосхопула из ГПБ и «Эротимата» этого же автора из Архива ЛОИИ) происходят из скриптории константинопольского монастыря Продрома (Петры) и датируются XV в.; третья рукопись — с текстом «Эротимата» Мануила Хрисолоры (Архив ЛОИИ) — принадлежит руке греческого писца XV в. Георгия Александру. Это, последнее, отождествление было сделано Б. Л. Фонкичем и подтверждено И. П. Медведевым. Разбору письменного памятника из б. музея Русского археологического института в Константинополе был посвящен и доклад И. Н. Лебедевой «О греческой рукописи с о. Родос из собрания БАН». Таким образом в научный оборот было введено еще несколько новых источников византийской культуры.

Текстологический характер носило вы-

ступление Я. Н. Любарского «Продолжатель Феофана и Генесий». Автор старался дать ответ на уже несколько десятилетий дискутирующийся вопрос о причине сходства двух исторических произведений X в.: Хроник Продолжателя Феофана и Генесия. Привлекая несколько близких по времени текстов, докладчик высказал аргументы в пользу гипотезы об общем источнике этих двух сочинений и сообщил ряд соображений по поводу того, что мог собой представлять недошедший до нас общий источник.

Армяно-византийским связям раннего времени был посвящен доклад Р. М. Бартияна «Первые Мамикониды при византийском дворе».

Значительное место в работе конференции занимали сообщения, основанные на материалах последних археологических исследований. С работами в Херсонесе, кроме уже упоминавшегося выступления С. Г. Рыжова, был связан доклад А. И. Романчук «Западный загородный храм Херсонеса». Исследовательница привела данные о раскопках в 1984—1985 гг. культового комплекса, расположенного за пределами Херсонеса у западных оборонительных стен. Проанализировав полученный материал и приведя убедительные аналогии, она датировала крестообразный храм IX в., обратив внимание, что этот храм прекратил свое существование в конце X в., а позднее неоднократно перестраивался. А. И. Романчук попыталась связать реальную археологическую ситуацию с топографическими данными, сохранившимися в славянском и латинском вариантах «Слова о перенесении мощей св. Климента». Сопоставив все данные, она сделала предположение, что храм мог носить имя св. Созонта.

Основные этапы в жизни византийского города-крепости Мангуп были показаны в докладе А. Г. Герцена. Предложенная им стратиграфия основана на последовательной смене строительных периодов, которые прослеживаются в строительстве оборонительных укреплений Мангупа. Последние выявлены работами, проводимыми экспедицией Симферопольского университета (рук. А. Г. Герцен) в течение нескольких лет.

Строительной культуре Абхазии на материале раскопок дворца в селении Лыхны (X в.) было посвящено выступление Л. Г. Хрушковой «Восточные элементы в архитектуре и скульптуре Абхазии». Археологические исследования 1981—1984 гг. показали, что если в целом архитектура дворца связана с византийской традицией, то отдельные элементы в планировке, конструкции, декорировке и строительной технике позволяют предполагать, что мастера были близко знакомы со строительным искусством Востока. Как общая закономерность было отмечено, что восточные элементы всегда сильнее проявлялись в светской сфере жизни и искусства.

В докладе О. М. Иоаннисяна «Об одном эпизоде византийско-венгеро-галицких отношений во второй половине XII в.» речь шла о событиях 1164—1165 гг., когда в Галиче находился бежавший из

турьмы в Константинополе опальный византийский царевич Андроник Комнин. В это же время наметилась тенденция на политическое сближение Галицкого княжества с Венгрией, к войне с которой в этот период готовилась Византия. Сочетание этих двух обстоятельств послужило причиной отправки посольства к киевскому и галицкому князьям. Сложившаяся политическая ситуация была рассмотрена докладчиком на основе широкого привлечения византийских письменных источников, в том числе малоизвестного историка Древней Руси послания Мануила Комнина галицкому князю Ярославу Осмомыслу. Автор попытался определить также города, которые были даны князем Ярославом во владение Андронику Комнину.

П. А. Раппопорт в своем сообщении «Об одном аспекте древнерусской эстетики» обратил внимание на любопытный факт: древнерусские княжеские дворцы XII в. обычно строились так, чтобы из дворца открывался широкий и красивый вид. Так были расположены «княжьи дворы» в Киеве, Чернигове, Галиче, Гродно, Полоцке, Смоленске, Боголюбове. Видимо, существовал определенный эстетический прием, по крайней мере в княжеской среде, связанный с любованием природой. По мнению автора, в этом сказалась старая византийская традиция, отраженная в «Законе градском», имевшем на Руси распространение в составе Кормчей книги.

Отличительной чертой прошедшей конференции, несомненно, являлось введение в научный оборот совершенно новых па-

мятников, многие из которых стали известны благодаря археологическим работам самих докладчиков. Все сообщения были сделаны на высоком профессиональном уровне, некоторые из них вызвали оживленное обсуждение. Участники конференции высказали пожелание о публикации представленных материалов. В программу конференции входил просмотр двух фильмов: «Культура и искусство Византии», посвященный первой общесоюзной византийской выставке 1975 г., и фильм о пребывании Эрмитажа в Свердловске в период Великой Отечественной войны. С экрана прозвучал взволнованный рассказ А. В. Банк о многогранной деятельности эрмитажников в суровые военные годы.

К конференции подготовлена выставка «Керамика Византии и сопредельных территорий XII—XIV вв.» из собраний Гос. Эрмитажа и Херсонесского музея-заповедника. На ней были показаны памятники, найденные в разные годы в Херсонесе. Представлен материал из трех регионов империи: широко понимаемой столичной школы, которая включала не только Константинополь, но и продукцию северо-западной части Малой Азии; кроме того, собственно малоазийские изделия XII в., а также памятники балканского происхождения. Особые группы составили образцы анатолийской керамики и местной, крымской школы.

На материале выставки В. Н. Залеская и М. Г. Крамаровский подготовили листовку «Образ человека в керамике Северного Причерноморья XII—XIV вв.»

Ю. А. Пятницкий

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР З. В. УДАЛЬЦОВОЙ

10—11 марта 1988 г. в связи с 70-летием со дня рождения в Москве состоялась конференция, посвященная памяти виднейшего ученого, крупнейшего специалиста в области византиноведения, медиовистики, славяноведения и поздней античности, члена-корреспондента АН СССР З. В. Удальцовой. Научные чтения были организованы Институтом всеобщей истории АН СССР, директором которого она была в 1980—1987 гг., и историческим факультетом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где она в течение многих лет работала профессором, а в 1982—1986 гг. возглавляла кафедру истории средних веков.

Почтить память З. В. Удальцовой собрались ее коллеги, друзья, ученики, ученые из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Еревана, Тбилиси, сотрудники институтов Академии наук СССР, Академии наук Армянской ССР, Государственного Эрмитажа, Московского, Уральского, Тбилисского государственных университетов, родственники. На научных чтениях памяти З. В. Удальцовой было заслушано 27 докладов, в которых была дана характеристика ее научной дея-

тельности, а также освещены наиболее актуальные, особо привлекавшие ее внимание проблемы истории и культуры Византии, Древней Руси, Западной Европы. Их тематика была необычайно разнообразна, что свидетельствует о многогранности интересов З. В. Удальцовой, ученого широкого диапазона, огромного исследовательского таланта, исключительной творческой активности. Выступавшие отмечали, что в лице З. В. Удальцовой советская историческая наука потеряла выдающегося организатора, замечательного педагога, создателя советской школы византистики, завоевавшей всеобщее признание мировой научной общественности.

Научные чтения открыл заместитель директора Института всеобщей истории АН СССР, кандидат исторических наук Н. П. Калмыков. Он охарактеризовал большие заслуги З. В. Удальцовой в становлении и развитии советской исторической науки и ее особую роль в создании марксистского византиноведения. Он рассказал о разнообразной и плодотворной деятельности З. В. Удальцовой в качестве директора института, о ее начинаниях по созданию сотрудниками института